

Весь Г. Ферри

Косталь-индеец

I. ДВА ПУТНИКА

После того как Северо-Американские Соединенные Штаты в кровопролитных битвах завоевали свою независимость от далекой родины, их пример возбудил и в Южной Америке желание свергнуть испанское иго, под которым она стонала. Здесь попытки к освобождению тоже увенчались успехом, так что в начале XIX столетия владения испанского двора в Новом Свете ограничивались только Средней Америкой и Мексикой.

Желая сохранить за короной эти все еще весьма ценные остатки некогда обширных владений и предупредить всякую попытку восстания, вице-король Новой Испании предусмотрительно даровал мексиканскому народу некоторые права, которых он до сих пор тщетно добивался.

Но жившие в Мексике испанцы увидели в этом снисхождении гибель своих привилегий, и так как они опирались на королевские войска, то без всяких церемоний пленили вице-короля и отправили его в Испанию расплачиваться за свои деяния. Само собой разумеется, что все дарованные

права и льготы у народа отобрали, и в Мексике водворился прежний порядок вещей.

Эти события произошли в 1808 году, и хотя с минуты на минуту можно было ожидать, что колонии попытаются силой вернуть отнятые у них права, однако два года внешней тишины снова вполне успокоили брожение умов. Поэтому мятеж, поднятый 16 сентября 1810 года простым священником по имени Идальго¹ из маленького селения Долорес, перешедший в восстание, поразил сердца народа как бы ударом грома и повсюду возбудил смятение и переполох. Члены богатых и могущественных семей креолов недоумевали, следует ли им, как сыновьям испанцев, связанным узами кровного родства, выступить против повстанцев или присоединиться к борцам за свободу родины. Напротив, масса крестьянства не испытывала никаких сомнений, и как белые, так и метисы и индейцы, не долго думая, переходили на сторону Идальго, так что уже к началу октября армия знаменитого священника состояла почти из двухсот тысяч человек, разумеется, плохо вооруженных, но грозных своею численностью.

¹ *Идальго* (Идальго-и-Костиля) *Мигель* (1753–1811) — национальный герой Мексики, руководитель народного восстания 1810–1811 г, перешедшего в войну за независимость против Испании.

В это время начинается наша история.

Однажды утром какой-то всадник ехал среди бесконечных равнин по безлюдной дороге от границ провинции Веракрус к провинции Оахака. Вооружение и лошадь всадника были довольно плохи, если принять в расчет беспокойное время, не говоря уже об опасности, угрожавшей от бродячих разбойничьих шаек. Кривая сабля в заржавленных железных ножнах составляла, по-видимому, его единственное оружие, а лошадь, медленно подвигавшаяся вперед, несмотря на щедрые удары шпор, казалась жалкой клячей.

Всадник был одет в короткую светлую куртку, коричневые триковые ² штаны и в козловые ботинки. Широкополая соломенная шляпа оттеняла кроткое, открытое лицо с умными глазами; судя по тонкому худощавому стану и наружности ему было не более двадцати двух-двадцати трех лет.

Местность, по которой проезжал молодой путешественник, отличалась печальным однообразием. Бесконечная заросшая алоэ и колючим кустарником равнина простиралась вокруг до горизонта; местами на ней поднимались легкие клубы беловатой пыли. Разбросанные там и сям хижины были покинуты жителями; палящие

² *Триковый* — сделанный из трикотажной шерстяной ткани узорчатого плетения для верхней одежды.

лучи солнца, недостаток воды, совершенная пустынность этой безлюдной саванны нагоняли на всадника тоску, даже страх. Хотя он постоянно прищпоривал лошадь, но только на несколько минут удавалось заставить ее бежать мелкой рысью, по-видимому, это был ее самый быстрый бег.

— Проклятая лошадь! — восклицал он иногда с негодованием; но животное оставалось нечувствительно как к ругательствам, так и к немилосердным ударам шпор своего хозяина. Повернувшись в седле, юноша с грустью сравнил расстояние, которое уже проехал, чтобы выбраться из этих пустынных саванн, и с каким-то отчаянием покорился медленному ходу своего коня.

Солнце перевалило за полдень, когда путешественник добрался до другой деревушки; но и здесь хижины оказались так же пусты и безлюдны, как и все, которые он встречал раньше.

Уже одно это обстоятельство представлялось довольно странным; но другое еще более удивляло путешественника: время от времени он встречал вдали от реки или ручья челноки и индейские пироги, привязанные к верхушкам деревьев или к их сучьям; и не было никого, кто бы объяснил ему, что это значит. Наконец, к его великой радости, суровое молчание пустыни нарушил конский топот. Он оглянулся и в самом деле у крайнего дома

деревни, которую уже оставил позади, заметил всадника; тот вскоре поравнялся с ним и обратился с вежливым приветствием.

Встреча двух путешественников среди необозримой пустыни — всегда событие, возбуждающее взаимное любопытство; так произошло и в данном случае.

Вновь прибывший был так же молод, как и первый всадник; но этим и оканчивалось сходство между ними. Высокий и сильный стан незнакомца, его живые, изящные манеры сочетались с мужественной энергичной наружностью и черными огненными глазами; густые усы придавали воинственное выражение его лицу; одежда, а в особенности сомбреро с золотыми галунами, указывала на военное звание всадника. Он сидел на горячем коне, стройном и сильном, явно арабского происхождения. Оружие его состояло из карабина, привешенного к седлу, пары пистолетов и обоюдоострой шпаги на кожаной перевязи.

— Много вам осталось проехать на этой лошади? — спросил он, удерживая легким движением узды своего горячего жеребца и искоса поглядывая на жалкую клячу первого всадника.

— Нет, слава Богу! — ответил тот. — Ведь если я не ошибаюсь, до гасиенды³ Сан-Сальвадор

³ *Гасиенда* (асьенда) — крупное частное поместье в

осталось всего шесть миль.

— Сан-Сальвадор? Эта гасиенда, должно быть, находится поблизости от гасиенды Лас-Пальмас?

— В двух милях приблизительно, сеньор.

— В таком случае мы попутчики, — сказал второй путешественник, — только я опасаясь, что вы на своем скакуне немного поздно достигнете цели своего странствования, — прибавил он с улыбкой.

— Без сомнения, — тоже улыбнулся первый. — Я обязан этим удовольствием скупости своего отца.

— А сколько времени вы уже едете на этой лошади?

— Я еду напрямиком из Вальядолида, сеньор, но уже около двух месяцев нахожусь в дороге.

В эту минуту кляча точно поняла, как презрительно о ней отзываются, сделала усилие и без всяких понуканий пустилась рысью, а улыбающийся всадник с черными усами был так любезен, что заставил своего коня трусить с ней вровень.

— Вы были так любезны сеньор, — начал он

Испании и Латинской Америке, к которому часто прикреплены батраки — номинально свободные, но вынужденные работать на владельца асьенды и полностью от него зависевшие.

снова, — что сказали, откуда едете. Отвечаю на вашу любезность: я недавно из Мехико, мое имя дон Рафаэль Тревиљьяс, капитан драгун его величества.

— Корнелио Лантехос, студент Вальядолидского университета, — с поклоном отвечал его спутник.

— Ну-с, дон Корнелио, может быть, вы поможете разрешить мне одну загадку? О ней я никого не смог расспросить, потому что вот уже два дня как не встретил живой души в этой местности! Что означают эти заброшенные деревни и эти челноки, привязанные к сучьям деревьев в такой местности, где можно проехать целые мили, не встретив ни капли воды.

— Не знаю, дон Рафаэль, но все эти странности возбуждают во мне тревогу, — отвечал студент.

— Тревогу! — воскликнул драгун. — Чего же вам бояться?

— Я боюсь, что восстание докатилось и до этой провинции, хотя меня уверяли в противном, и думаю, не убежали ли жители, опасаясь мятежников.

— Вы ошибаетесь, сеньор, — возразил капитан. — Во-первых, жителям нечего бояться восставших; во-вторых, к чему же эти лодки на сучьях дерев? Очевидно, должна существовать

какая-нибудь иная причина общей паники, которую и я никак не могу понять.

Некоторое время всадники ехали молча; потом драгун снова прервал молчание.

— Так как вы едете из Вальядолида, — спросил он, — то не можете ли сообщить мне что-нибудь новое об успехах восстания?

— Прошу извинить, — сказал Корнелио, — вы забыли, что я благодаря медлительности своего коня уже два месяца в дороге. При моем отъезде из Вальядолида там так же мало думали о восстании, как о всемирном потопе; сверх того, мы надеялись, что вследствие нового указа его милости епископа Оахаки восстание найдет мало приверженцев.

— Почему же? — возразил офицер с некоторым высокомерием, которое довольно ясно указывало, что он приверженец свободы.

— Почему? — переспросил студент. — Да потому, что его милость епископ отлучил от церкви всех мятежников.

— Так вы бы не решились вступить в ряды восставших? — осведомился офицер, по лицу которого невозможно было догадаться, понравился ему ответ студента или нет.

— Сохрани меня Бог! — воскликнул студент. — Я человек совершенно мирный и готовлюсь, как только будет возможно, принять духовный сан; я могу только молиться о даровании

мира нашей несчастной стране.

— Так вы едете в провинцию Оахака сдавать ваш экзамен? — поинтересовался офицер, окинув своего спутника довольно презрительным взглядом.

— Нет, сеньор! — отвечал студент. — Я еду в гасиенду Сан-Сальвадор по поручению отца. Это богатое имение принадлежит одному из моих близких родственников. Он холостяк и ищет себе наследника. Двое моих братьев уже были у него, но не понравились, и вынуждены были вернуться домой с пустыми руками; теперь отец посылает меня попытать счастья, может быть, мне удастся заслужить расположение дяди.

Такая откровенность по всей вероятности расположила офицера в пользу своего спутника. Он с своей стороны сообщил, что его отец, испанский дворянин, после ареста вице-короля переехал в свое имение Дель-Валле; туда он теперь направляется, но это имение было ему совершенно не знакомо. Капитан ограничился этим коротким сообщением о себе и целях своей поездки: может быть, были у него и другие причины предпринять это путешествие, но он не был так откровенен, как студент.

Между тем солнце начинало спускаться к горизонту, и тени путников на пыльной дороге заметно удлинились, а на вершинах пальм красные толстоклювы и зеленые попугаи начали свои

вечерние песни. Голод, а еще более жажда сильнейшим образом мучили обоих путешественников. Время от времени драгун бросал нетерпеливый взгляд на лошадь студента, и всякий раз ему казалось, что несчастное, истомленное голодом и жаждою животное идет все тише и тише.

Дон Корнелио давно заметил, что его спутник великодушно удерживался от желания пустить лошадь в галоп, поэтому он удвоил усилия, чтобы заставить свою клячу поспевать за жеребцом офицера. Но все его старания остались тщетными.

— Господин студент, — сказал наконец капитан, — случилось вам читать рассказы о потерпевших кораблекрушение, которых голод заставлял наконец бросать жребий о том, кому первому быть съеденным.

— Ах да, — отвечал Корнелио с некоторым страхом, — но ведь мы еще не находимся в таком ужасном положении.

— Черт возьми, — отвечал капитан очень серьезно, — я чувствую голод, который скоро заставит меня забыть всякое стеснение.

— Но, сеньор, мы ведь не находимся на море, в лодке, из которой никто не может уйти.

Капитан хотел было подшутить над молодым человеком, но затем подумал, что доверчивый юноша может понять его слова буквально, тогда

как он хотел только намекнуть о своем намерении отправиться вперед и с ближайшей гасиенды прислать студенту свежую лошадь со съестными припасами и водой.

Дон Корнелио бросил вокруг робкий взгляд и, испуганный пустыней, в которой ему почти безоружному приходилось оставаться наедине со своим сильным спутником, сказал:

— Надеюсь, господин офицер, что ваше сердце не согласно с вашими устами. Что касается до меня, то на вашем месте я поскакал бы вперед в гасиенду Лас-Пальмас и оттуда прислал бы помощь своему отставшему спутнику.

— Вы в самом деле так думаете?

— Конечно!

— Ладно! — воскликнул драгун. — Я последую вашему совету. — Затем, протягивая студенту руку, он прибавил почти сердечным тоном: — Дон Корнелио, мы расстанемся друзьями, надеюсь, что нам не придется встретиться врагами! Будьте спокойны, я не забуду прислать вам помощь.

С этими словами он сильно пожал слабые пальцы студента, отпустил поводья и поскакал по равнине.

«Слава Богу и его святым! — подумал студент со вздохом облегчения. — Этот голодный людоед был бы в состоянии съесть меня с кожей и

волосами». Затем он продолжал свой путь, радуясь, что избавился от воображаемой опасности. Наконец за час до солнечного заката достиг он группы хижин, которые были так же пусты, как и прежние. Чувствуя крайнее истощение сил и ввиду жалкого состояния лошади, он решился подождать здесь обещанной офицером помощи.

Гамак из волокон алоэ, казалось, был специально для него подвешен на высоте двух метров от земли между двумя высокими тамариндами. Так как жара все еще стояла удушливая, то Корнелио, расседлав свою лошадь, чтобы она могла свободно пастись, не пошел в душную хижину, а взобрался по стволу тамаринда в гамак, где и расположился, как мог удобнее.

Тем временем наступила ночь, и торжественное молчание воцарилось окрест. Скоро, однако, оно было нарушено странным шумом, который даже непривычное ухо студента не могло спутать со стуком копыт ожидаемой им лошади. Это был непрерывный рев, глухой, как отдаленные раскаты грома, скорее напоминающий рокот морского прибоя. Иногда путнику казалось также, что к этим странным звукам примешивается хриплый вой ветра. Объятый необъяснимым страхом, прислушивался он к этому грозному шуму, пока наконец усталость не одержала верх над боязнью, и студент погрузился в глубокий сон.

II. ОХОТНИК НА ТИГРОВ

В это самое время, то есть примерно за час до заката солнца, когда Корнелио решился остановиться в уединенной деревушке, двое людей появились на берегу маленькой речки, протекавшей по узкой долине почти в двух милях от того места, где драгун расстался со студентом. Низкие берега речки заросли ясенями и ивами, ветки которых перевивали цветущие лианы. Впрочем, такая мирная картина представлялась только в том месте, где находились двое упомянутых людей; немного далее река, пробиваясь между высокими крутыми, покрытыми роскошной растительностью горами, приобретала бурный характер. Еще далее слышался величественный гул водопада. Один из людей, судя по цвету кожи и внешнему виду, был типичным индейцем: две густые черные косы свешивались с головы на рубашку, подобную тунике, из серой шерсти с черными полосами, не закрывавшую сильных рук медно-красного цвета; кожаный пояс перепоясывал рубашку, поддерживая и короткие, доходившие до колен, штаны из оленьей кожи; ноги были обуты в кожаные ботинки, а голову покрывало сплетенное из камыша сомбреро.

Индеец был высокого для своего племени роста, а его энергичное лицо не имело свойственного покоренным краснокожим рабского

выражения.

Его спутником был негр, одетый в лохмотья и не представлявший ничего замечательного, кроме разве выражения неоправданного легкомыслия, с которым он слушал индейца. Время от времени лицо его обнаруживало плохо скрываемый страх.

Пока наши читатели знакомятся с индейцем и негром, первый наклонился над участком берега, почти сплошь покрытым белой глиной.

— Смотри, Брут! — воскликнул он. — Я обещал через полчаса отыскать следы, и вот они тут как тут!

С этими словами индеец с торжеством указал своему черному приятелю на несколько свежих следов, отпечатавшихся на мягкой почве; впрочем, это открытие, по-видимому, вовсе не произвело радостного впечатления на негра.

— Они прошли здесь не более получаса назад, — продолжал индеец, — потому что вода в этой луже еще мутна и желтовата. Попробуй-ка сосчитать, сколько их тут было.

— Мне было бы приятнее уйти отсюда, — возразил негр, тщетно стараясь последовать совету индейца, которого звали Косталем, и сосчитать следы. — *Jesus Maria!* — воскликнул он вдруг. — Да тут прошло целое стадо тигров.

— Дурак! Ты преувеличиваешь! Сосчитаем вместе. Раз, два, три, четыре; самец, самка и двое

молодых. Вот отрадное зрелище для тигреро⁴!

— Для меня вовсе не отрадное! — сказал негр жалобным тоном.

— Не бойся, я сегодня не стану охотиться за ними; у нас есть дело поважнее.

— Нельзя ли нам отложить его до другого дня и возвратиться в гасиенду? Хотя мне и очень любопытно увидеть те удивительные вещи, которые ты обещал показать, но...

— Далее откладывать это дело невозможно; иначе нам придется ждать еще месяц, а через месяц мы будем далеко отсюда! Сядем.

Косталь сделал несколько шагов в сопровождении негра и посадил его рядом с собой на мягкий дерн; но, по-видимому, негр, озиравшийся кругом с явным страхом, следовал за ним только по принуждению, так что индеец еще раз попытался успокоить его.

— Уверяю тебя, — сказал он, — бояться нечего. Так как тигры имеют доступ к воде по всему течению реки, то им не придет в голову

⁴ В Мексике ягуар называется тигром, а охотник, занимающийся главным образом истреблением ягуаров, — *тигреро*. Вплоть до 70-х гг. прошлого века это была почетная и очень опасная профессия. Многие владельцы гасиенд специально нанимали тигреро, чтобы обезопасить свои стада от ягуаров.

прийти сюда, чтобы напиться снова именно в этом месте!

— Я слышал, что они очень любят мясо негров, — сообщил Брут, пугливо осматриваясь.

— А я тебе говорю, что это вздор. Во всей Мексике не найдется ни одного тигра, который был бы так глуп, чтобы предпочесть твою толстую черную кожу мясу молодого оленя или жеребенка, которых ему ничего не стоит добыть. Притом я уже сказал тебе, что буду охотиться, и убью этих кошек завтра; ведь тигр, логовище которого я отыскал, — мертвый тигр. Сегодня же у меня есть дело поважнее. Сегодня новолуние и такой день, в который на зеркальной поверхности вод появляются сирены с вьющимися волосами и показываются тем, кто с мужественным сердцем, и решится их вызвать.

— Сирены с вьющимися волосами? — повторил Брут недоверчиво.

— Которые в равнинах и горах указывают, где находится золото, у морских берегов — мели с жемчужными раковинами.

— Ты это точно знаешь? Кто тебе сказал? — спросил негр тоном, в котором легкое верие боролось с сомнением.

— Мои родители передали мне эту тайну, — отвечал индеец торжественно, — а Косталь больше доверяет своим родителям, чем христианским

священникам, хотя и притворяется, что принадлежит к религии, которой они учат. Почему Талок и Матлауце, боги вод и гор, не могут быть столь же могущественны, как Бог белых людей?

— Ради Христа, будь осторожен с такими речами! — поспешно сказал Брут, открещиваясь от столь явного богохульства. — Христианские священники повсюду имеют уши, а у святой инквизиции достаточно прочных темниц.

При слове «инквизиция», этом пугале тогдашних времен, индеец невольно понизил голос.

— Мои родители, — начал он снова, — говорили мне, что водяные божества никогда не являются одному человеку; двое людей должны заклинать их; двое людей одинаково храбрых, потому что иногда гнев богов бывает ужасен. Хочешь стать моим товарищем в этом деле?

— Гм! — покачал головой Брут. — Я не боюсь людей. Тигров я стараюсь избегать; ну а с твоими богами, которые, чего доброго, сами черти, я ни за что на свете не хочу иметь дел.

— Ни люди, ни тигры, ни черти не испугают того, у кого храброе сердце, — возразил Косталь. — В особенности если наградой за мужество будет золото, которое сделает из бедного индейца знатного сеньора!

— И из негра тоже?

— Без сомнения!

— Ты забываешь, что ни индеец, ни негр не могут воспользоваться золотом или серебром, потому что дон Сильва, у которого мы оба находимся в рабстве, отнимет у нас наши богатства, — уныло проговорил Брут.

— Я это знаю, но рабству приходит конец. Разве ты не слыхал, что внутри страны простой сельский священник Идальго провозгласил свободу всех племен и ручается за нее, если сумеет одержать победу?

— Нет, — покачал головой Брут с глуповатым удивлением, обнаруживавшим его полное невежество в политических вопросах.

— Так знай, близок час, когда индеец станет равен белому, креол — испанцу, и когда такой индеец, как я, возвысится над ними, — гордо прибавил Косталь. — Слава моих предков снова оживет, и потому мне необходимо получить богатство.

Брут с удивлением смотрел на своего товарища. Выражение дикого величия на лице тигреро, раба из гасиенды Лас-Пальмас, поражало его так же, как и дерзкое намерение индейца возродить былую славу своих предков.

Косталь, видимо, наслаждался удивлением Брута.

— Друг Брут, — сказал он, — выслушай тайну, которую я сохранил, прожив до пятидесяти

лет в том униженном состоянии, в каком ты меня видишь, и которую тебе подтвердит в случае надобности любой мой соплеменник!

— До пятидесяти лет! — повторил изумленный негр, внимательно рассматривая индейца, которому, судя по лицу и великолепно развитому телу, нельзя было дать более тридцати.

— Не полных, — улыбнулся Косталь, — но около того, и я проживу еще пятьдесят, ибо боги предсказали мне, что я достигну столетнего возраста.

И, когда подстрекаемый любопытством Брут приготовился внимательно слушать, Косталь продолжал:

— Вся страна, между восходом и закатом солнца, в течение долгих столетий, еще прежде чем корабли белых пристали к нашим берегам, принадлежала касикам сапотеков⁵. Единственными границами их владений были моря, омывающие берега перешейка Тегуантепек, им принадлежали все жемчужные мели и золотые россыпи от северного до южного океана. Что же случилось теперь с могущественными касиками Тегуантепека? Их подданные истреблены белыми или погибли в рудниках, и последний потомок вождей

⁵ *Сапотеки* — одно из древнейших племен Мексики, наравне с ацтеками и толмеками.

зарабатывает свой хлеб как раб. Ежедневно он должен подвергать свою жизнь опасности, истребляя ягуаров, опустошающих сады в горах и на равнинах, которые были прежде владением его предков и в которых ему принадлежит теперь только клочок земли, занимаемое его хижинкой.

Индеец мог бы говорить еще долго, и негру не пришло бы в голову перебить его. Изумление и нечто вроде бессознательного благоговения словно заставляли его хранить молчание. Быть может, он никогда не слышал, что могущественное племя исконных жителей погибло вследствие завоевания испанцев, и во всяком случае был далек от того, чтобы видеть его представителя в полуязычнике-полухристианине тигреро, который старался приобщить к своим индейским суевериям потомка прежних властителей страны.

Что касается самого Косталя, то воспоминание о славе предков погрузило его в глубокую задумчивость. Устремив глаза в землю, он уже не думал следить за впечатлением, которое его рассказ производил на негра.

Солнце готово было спуститься за горизонт, когда в отдаленных кустах на берегу реки вдруг послышалось продолжительное мяуканье. Сначала пронзительное, оно затем окончилось глухим ревом и заставило негра перейти от удивления к величайшему ужасу.

— Jesus Maria! Тигр! — воскликнул он и вскочил на ноги, тогда как индеец продолжал сидеть неподвижно.

— Ну и что из того? — спросил он спокойно.

— Тигр! — повторил Брут.

— Ты ошибаешься.

— Дай Бог! — сказал негр, не смея надеяться, что ошибся.

— Я думаю, что ты ошибаешься в количестве зверей; я уже сказал тебе, что здесь четыре тигра, считая молодых.

При таком пояснении Брут, вне себя от страха, хотел было мчаться на гасиенду.

— Берегись! — сказал Косталь, который, казалось, подшучивал над испугом своего товарища. — Я часто замечал, что когда самец и самка тигров находятся вместе, то очень редко ревут в таком близком расстоянии от людей; поэтому почти наверное можно сказать, что теперь они в разных местах. Таким образом, ты можешь попасть меж двух опасностей; или, может быть, ты хочешь доставить им удовольствие поохотиться за тобой?

— Сохрани меня Бог!

— Ну, так самое лучшее для тебя — оставаться подле человека, который нисколько не боится этой дряни.

Негр еще стоял в нерешительности, когда

новый рев, раздавшийся в противоположном направлении, подтвердил догадку тигреро.

— Слышишь, они вышли на охоту и перекликаются друг с другом, — сказал Косталь, подзывая к себе негра.

Убедившись, что бегство в настоящую минуту опаснее, Брут подошел к своему неустрашимому товарищу, который даже не протянул руки к ружью, лежавшему подле него на траве.

«Этот дурак еще к тому же и трус, — подумал индеец, — но я должен покамест удовольствоваться им, пока не найду мужественного человека».

— Итак, я предлагаю тебе, — прибавил он вслух, — завтра или после завтра оставить службу у нашего господина и отправиться на запад к восставшим крестьянам.

— Может быть, дон Сильва скорее отпустит нас, если ты сначала избавишь его от этих зверей? — спросил хитрый негр, желая безопасным для себя образом отплатить за ужас, который в нем возбуждали ягуары.

Едва он кончил, раздался как бы в насмешку над терпением тигреро третий, более громкий и продолжительный рев в верховьях реки.

При этих пугающих звуках, в которых слышался как бы вызов индейцу, зрачки Косталья расширились, и непреодолимая жажда охоты, казалось, овладела им.

— Клянусь душою моего отца! — воскликнул он. — Это значит злоупотреблять человеческим терпением; и я хочу успокоить этих обоих зверей. Идем, Брут.

— Но у меня нет никакого оружия, — воскликнул негр, ужаснувшись при мысли о том, что он сам должен охотиться на тигра. — Я обещал сопровождать тебя к этой речке в надежде на добычу золота, а не на тигровую охоту.

— Послушай, Брут, — сказал Косталь, не обращая ни малейшего внимания на тревогу своего спутника, — животное, которое мы слышали раньше, самец, он зовет самку. Он должен быть довольно далеко отсюда, а так как в окрестностях гасиенды нет ни одной речонки, на которой бы у меня не было пироги, то...

— И здесь у тебя есть пирога? — перебил его Брут, которому это обстоятельство придало бодрости.

— Конечно; мы отправимся на ней вверх по реке. На воде ты окажешься вне всякой опасности.

— Говорят, что тигры плавают, как выдры, — пробормотал негр, снова начиная трусить.

— Не могу отрицать этого. Но пойдем скорее.

С этими словами тигреро поспешил к тому месту, где у него был привязан челнок; за ним побрел и Брут, предпочитая подвергнуться опасности вместе с охотником, чем встречать ее в

одиночку.

Несколько минут спустя индеец отвязывал лодку от корня дерева. Это была пирога, выдолбленная из ствола акации, но достаточно широкая для того, чтобы в случае нужды вместить двух человек. Косталь сел на носу, негр поместился у кормы и, взяв короткое весло, начал грести против течения.

Сначала пирога плыла вдоль изгибов берега, которые мешали нашим пловцам видеть окрестность; чтобы поскорее миновать их, Косталь взялся за другое весло.

— Ради моей бедной души! — сказал дрожащий от страха негр, когда пирога проплывала мимо группы деревьев, наклонившихся над водой. — Не плыви так близко к берегу, кто знает, не подстерегают ли нас чудовища за этими деревьями.

— Будь спокоен, у меня есть план, — отвечал Косталь.

Индеец продолжал уверенно двигать вперед пирогу, по-видимому, не обращая даже внимания на опасность, которая могла скрываться в чаще ив.

— В чем заключается твой план? — спросил наконец Брут.

— Он очень прост, и ты его, конечно же, одобришь.

— Ну так расскажи!

— Нам приходится иметь дело с двумя тиграми, не считая молодых. Ты безоружен, поэтому расправься с молодыми; ты схватишь их за загривки и разобьешь им черепа, ударив их друг о друга. Нет ничего проще.

— Мне это кажется, напротив, довольно затруднительным; да и как мне их поймать?

— Ловить и не придется: они сами бросятся на тебя; через четверть часа нам, без сомнения, придется иметь дело со всеми четырьмя.

— Со всеми четырьмя! — воскликнул негр, сделав от испуга такое сильное движение, что пирога едва не перевернулась.

— Разумеется, — заметил Косталь, быстро наклоняясь, чтобы восстановить равновесие. — Но теперь будь внимательнее! — продолжал он. — Мы сейчас обогнем вон тот выступ, который мешает нам видеть равнину; ты меня предупредишь, если заметишь зверя.

В самом деле, только сидевший у кормы негр мог видеть окрестность, не изменяя своего положения, тогда как индеец должен был время от времени оборачиваться. Впрочем, лицо негра служило ему зеркалом, отражавшим все, что ему следовало знать в любое время.

До сих пор глаза негра выражали только неопределенный страх; но в ту минуту, когда пирога оставила за собою последний изгиб реки,

внезапный испуг отразился на его лице.

Внимательный индеец быстро повернул голову. Бесконечная равнина расстилалась направо и налево от реки; ничто не мешало осматривать ее. Довольно далеко от плывущих река изгибалась под острым углом, образуя таким образом треугольник, мимо вершины которого проходила дорога в гасиенду Лас-Пальмас.

Пурпуровые, еще освещенные лучами закатившегося солнца облака наполняли равнину золотистым сумраком, и в этом сумраке глазам восхищенного индейца предстало странное зрелище.

— Посмотри, Брут, — сказал он, передавая весло негру и с ружьем в руке становясь на колени на дне лодки, — видал ли ты когда-нибудь что-нибудь прекраснее?

Один из тигров, и именно тот, голос которого призывал самку, медленно плыл по течению, взобравшись на убитого буйвола.

Хриплое рычание вырвалось из его груди. Он увидел врагов и вызывал их на бой.

— Это самец, — сказал Косталь дрожащим от радостного волнения голосом.

— Стреляй! — воскликнул негр, которому ужас развязал язык.

— Нет, — отвечал Косталь, — мое ружье не бьет так далеко; притом, если я выстрелю, самка

убежит от нас, а если мы подождем еще минуту, она явится сюда с обоими тигрятами.

Слова индейца оказались верными, поскольку отдаленный рев возвестил о приближении тигрицы: огромными скачками неслась она по саванне. Шагов за двести от берега и пироги самка остановилась, нюхая воздух. Оба тигренка стояли рядом с ней по правую и по левую сторону. Тем временем челнок медленно плыл по течению, поскольку растерявшийся негр перестал грести, вследствие чего расстояние между ним и тигром оставалось все одно и то же.

— Тысяча чертей! — нетерпеливо воскликнул индеец. — Грести же против течения, иначе я никогда не доберусь до этого тигра. Так... хорошо, так я расправлюсь с ним, только сиди смирно. Необходимо убить зверя с первого выстрела, иначе кто-нибудь из нас погибнет, так как придется иметь дело разом с раненым тигром и его самкой.

Ягуар медленно плыл на своей добыче, и расстояние между ним и лодкой мало-помалу сокращалось. Уже можно было видеть блеск его глаз и движение хвоста, которым он помахивал, точно играя. Индеец прицелился ему в морду и хотел было спустить курок, как неожиданно пирога начала колыхаться, точно на бурном море.

— Кой черт ты там делаешь, болван? — воскликнул индеец гневно. — Ведь невозможно

прицелиться!

Но, должно быть, у негра от страха помутился разум, потому что челнок от судорожных движений веслами колебался все сильнее и сильнее.

— Проклятье! — воскликнул индеец с бешенством. — Я только было прицелился между глаз. — С этими словами он положил ружье и вырвал весло из рук негра. Но было уже поздно. Тигр испустил страшное рычание, сделал мощный скачок и, в то время как буйвол, вследствие сильного толчка, крутясь, исчез под водою и всплыл на десять шагов дальше, тигр в один прыжок очутился на берегу.

Напрасно индеец послал ему вдогонку громкие проклятья, они явно запоздали: в несколько прыжков тигр очутился вне выстрела рядом со своей самкой.

Свирепая чета, казалось, с минуту находилась в нерешительности, затем раздался двойной рев, которому вторили оба тигренка, и все четверо стали удаляться от берега огромными прыжками.

— Бегите, бегите, я вас скоро опять найду! — крикнул Косталь, но, несмотря на свои несбывшиеся надежды, не мог оторвать глаз от этих обитателей леса, которые в своем быстром беге, казалось, едва касались степной травы. Потом он схватил весло и погнал пирогу к тому месту, где они сели в нее.

Река еще несла в своих потемневших водах труп убитого буйвола, а тигры давно исчезли в сгущающемся вечернем сумраке.

III. ДУХ-ХРАНИТЕЛЬ ВОДОПАДА. НАВОДНЕНИЕ

Маленькая пирога, в которой сидели индеец и негр, медленно плыла по течению. Брут радовался, что избежал когтей ягуара, но к его радости примешивался остаток страха, так как все еще можно было ожидать, что хищники вернуться. Поэтому он первый прервал молчание, спросив у Косталя, может ли такое случиться.

— Запросто! — отвечал индеец. — Не каждый день можно найти или умертвить буйвола, и я уверен, что тигр с сожалением оставил свою добычу; он инстинктивно чувствует, в какую сторону поплывет буйвол, и будет ожидать его около водопада, шум которого ты слышишь отсюда.

Величественный гул падающей воды в самом деле становился все слышнее и слышнее по мере того как пирога подвигалась вниз по речке.

— Впрочем, я не думаю, — продолжал индеец, — что водопад отдаст ему всю добычу в целости; мне случалось видеть, как древесные стволы, увлекаемые водопадом, разбивались в

куски.

Это сообщение только наполовину удовлетворило Брута, но он ничего не сказал, так как в это время пирога пристала к берегу. Товарищи вышли на берег и привязали пирогу по-прежнему к корням дерева.

— Итак, ты думаешь, — проговорил Брут, — что тигры снова возвратятся к реке?

— Наверное, и, может быть, не пройдет получаса, как ты снова услышишь рев на дне ущелья, к которому мы тотчас отправимся.

— А ты не боишься, что они нападут на нас?

— Наплевать мне на это. Но мы уже достаточно канителились с этими зверями; к счастью, время еще не ушло. Нынче новолуние. Теперь я стану заклинать богиню вод Мацлакуце, чтобы она послала золото и сокровища сыну касиков⁶ Тегуантепека.

⁶ *Casík* (исп. *Casica*) — первоначально так назывались вожди на языке таино, коренного населения Антильских островов аравакской группы, которые первыми из индейцев вступили в контакт с европейцами (испанцами). Позднее испанские колонизаторы стали использовать данное слово для всех индейских правителей. Кроме того, в новое и новейшее время в некоторых странах Латинской Америки и в Испании так называют влиятельных политиков местного масштаба, весьма именитых персон. Система управления, при которой центральное правительство осуществляет свою власть на

С этими словами индеец отошел от Брута на несколько шагов.

— Не уходи так далеко! — крикнул негр, думая о страшных соседях, которые бродили вокруг.

— Я оставлю тебе мое ружье.

— Черт возьми! Большая помощь! Один заряд на четырех тигров, — пробормотал негр.

Косталь медленно пошел по берегу реки, взобрался на ствол ивы, наклонившейся над водою, и, стоя, вытянув вперед руку, начал петь индейское заклинание, непонятные слова которого доносились до слуха негра. Вскоре послышались и другие звуки, о которых говорил индеец: слабое рычание послышалось со стороны водопада. Среди наступившей темноты странная молитва язычника, сопровождаемая жалобным воем ягуаров, точно адским аккомпанементом, должна была казаться ужасной для человека из невежественного и суеверного племени, к которому принадлежал Брут. Ему чудились в кустах чьи-то огненные глаза; неясная тень сирены с вьющимися волосами, казалось, медленно подымалась над поверхностью воды, и таинственные голоса сливались с отдаленным грохотом водопада. Дрожь пробегала по его черному телу, от корней курчавых волос до

местах при помощи касиков, получила название касикизма.

пят.

— Согласен ли ты сопровождать меня к водопаду, чтобы заклинать божество, которое там нам покажется? — спросил Косталь, возвратившись к Бруту.

— Туда, к водопаду, где воют тигры? — с испугом сказал негр.

— Подумай о золоте, — возразил Косталь.

— Ну, пойдем! — воскликнул негр после минутного колебания, в течение которого жажда золота одержала в нем верх над трусостью.

Индеец взял ружье и шляпу и в сопровождении Брута направился к водопаду. Чем ближе они подходили к нему, тем круче становились и тем теснее сближались берега; росшие по обеим сторонам реки деревья, соединяясь вершинами, образовывали над нею темный и плотный свод. Река, стесненная в узком русле, становившемся все круче и круче, начинала бурлить и пениться. Внезапно узкое русло обрывалось, и вода с грохотом падала с высоты по крайней мере пятидесяти метров на дно ущелья.

Белый клокочущий, подобно громадной лавине, поток вырывался из-под свода, образуемого двумя огромными кедром, вершины которых переплелись между собою. Их темные гибкие ветви, обросшие длинными прядями испанского мха и обвитые густыми гирляндами лиан, время от

времени касались водяной арки. Эти два гиганта, поднимавшие свои мощные длани из облака пара и брызг, казались духами-хранителями, состарившимися на страже водопада.

Индеец и негр остановились перед этим величественным, но также и пугающим среди ночной темноты зрелищем.

— Теперь, — сказал Косталь, — подумай хорошенько о моих советах; помни прежде всего, что когда появится сирена, то за первым трепетом, от которого не свободен и самый храбрый человек при виде духа, не должно следовать страха, иначе ты погиб.

Негр вместо ответа только кивнул головой; однако, судя по наружности, он был теперь так же тверд, как сам индеец.

В то время как они, усевшись на краю ущелья, погрузились в серьезный разговор, почти под их ногами на дне того же ущелья сидел человек, которого они не заметили. Этот человек, казалось, с любопытством наблюдал величественное зрелище низвергавшихся в бездну масс воды. То был уже знакомый нам капитан королевских драгун, которого случай привел в это дикое место.

Расставшись с доверчивым студентом, капитан сильно прищипорил коня, и тот, весело заржав, помчался по равнине. К несчастью, офицер никогда не бывал в здешних краях своего

неизмеримого отечества и потому, доехав до места, где дорога разделялась надвое, остановился в недоумении, решая, по какому пути отправиться дальше. Вокруг по-прежнему царило полное безлюдье, никого не было, кто бы мог указать ему дорогу, и потому, за отсутствием всяких указаний, он предоставил выбор своему коню.

Животное, без сомнения, сильнее мучилось жаждой, чем голодом, и, потянув струю свежего воздуха, выбрало путь направо. Этот выбор оказался неудачным для офицера, потому что сбил его с прямого пути; но, как мы объясним позднее, тем счастливее оказался он для студента, оставленного нами в гамаке.

Проехав немного времени по новому направлению, капитан услышал глухой шум водопада, а спустя около получаса дорога, становившаяся все уже и уже, внезапно исчезла перед непроходимыми кустарниками, за которыми слышен был грохот потока.

Наши читатели теперь немного знают эту местность, но путешественнику она была совершенно не знакома, и хотя он находился совсем неподалеку от брода через реку, где Косталь показывал негру следы тигра, однако лес по обоим берегам реки был так густ, что незнакомому с местностью человеку трудно было догадаться о близости реки.

Чтобы выйти из затруднительного положения, офицер сошел с лошади, привязал ее к кусту и, хотя и не без труда, добрался до края ущелья. Сначала капитан не знал, как пробраться в этом темном лабиринте, к тому же закрытом густой, многолетней растительностью. Утомленный бесплодными усилиями пройти вперед, он собрался было вернуться, как вдруг заметил нечто вроде тропинки, промытой дождем, или, может быть, протоптанной дикими животными, и пошел по ней, надеясь найти наконец проход для себя и своего коня.

Спуск оказался крутой, но почва твердой, и дон Рафаэль начал спускаться; лианы, перекидывавшиеся с дерева на дерево, облегчали ему путь, так что он благополучно достиг дна ущелья.

Как ни торопился драгун, но вид великолепного водопада заставил его вскрикнуть от удивления и восторга. Он сел на камне, около которого весело плескалась вода, и в течение некоторого времени рассматривал величественную массу, низвергающуюся со скалы перед его глазами, но вскоре другое занимательное зрелище приковало к себе его внимание и заставило остаться на месте.

Среди облаков мельчайших брызг, подымавшихся вследствие падения воды, вершины двух кедров обрисовывались очень смутно, тем

более что луна бросала только бледный свет; но и при этом свете зоркие глаза капитана смогли различить на наклонном стволе дерева лицо индейца. Вслед за тем он заметил на ветвях другого кедра еще чье-то лицо. Это последнее было черно, как ночь. Вслед за лицом скоро появилось и все тело; на одном стволе — индейца, на другом — негра.

Смелость этих двух людей невольно возбуждала ужас. Они свешивались то поочередно, то разом над бушующим потоком, уцепившись руками за ветви и касаясь ногами воды, или дерзко наклонялись над высотой, от которой у офицера кружилась голова. Устремив взоры на бурную поверхность, смельчаки все еще не замечали сидевшего на дне ущелья непрошенного зрителя.

Индеец вытянул руку и начал произносить что-то вроде тожественного заклинания, очевидно сопровождавшегося именем, которое, однако, терялось в шуме водопада. Офицер по движению мускулов индейца мог ясно видеть, что он поет полной грудью.

Любопытство заставило бы дона Рафаэля еще долее смотреть на это жутковатое зрелище, но ему хотелось поскорее узнать дорогу в гасиенду, и потому он крикнул им, чтобы обратить на себя внимание. Но, хотя его легкие были сильными, рев водопада заглушил его голос. Тогда он решился

подойти к индейцу и негру и с большим трудом взобрался до свода, образованного двумя кедрами; но оба уже исчезли. Он осторожно поднялся по стволу и осмотрел водопад, надеясь найти какое-нибудь объяснение занятию этих двух людей, но увидел только то, что видел уже раньше: широкую, покрытую пеной массу воды.

Между тем только что оставленное офицером место на дне ущелья оказалось опять занятым, на сей раз индейцем и негром. Можно было подумать, что они забавляются игрой в прятки с незнакомцем, если бы их лица не были совершенно серьезны и торжественны, в особенности лицо негра, на котором иногда появлялся тайный страх.

— Черт побери этих бродяг, которые, кажется, улетают, когда я к ним приближаюсь! — воскликнул нетерпеливый офицер и снова стал наблюдать за их занятием.

По знаку индейца негр положил на некогда свалившийся вместе с другими в реку камень охапку сухого хвороста, собранного на берегу, и зажег его. Река осветилась ярким светом, и белая пена приняла пурпурный оттенок.

В то время, пока негр сидел без движения, устремив взгляд в огонь, Косталь снял камышовую шляпу, распустил свои косы и сбросил шерстяное одеяло, окутывавшее его плечи и грудь. Волны черных, как вороново крыло, волос спустились по

его сильному медно-красному телу и закрыли часть лица.

Теперь офицер впервые услышал и увидел, что индеец трубил в морскую раковину, хриплые звуки которой походили на вой голодного ягуара. Когда потомок касиков нашел, что дух водопада достаточно потревожен, он перекинул раковину через плечо и пустился в дикий пляс вокруг огня, все сильнее и сильнее разбивая ногами воду. Все это время негр стоял на камне неподвижно, подобно статуе.

Это было странное, но в то же время красочное и жуткое зрелище.

— Ей-богу, — пробормотал офицер, — любопытно бы узнать, в честь какого языческого божества дикари дают это безумное представление, однако еще любопытнее узнать от них, куда мне следует ехать.

С этими словами он схватил пригоршню маленьких камушков и бросил их вниз; они упали в воду около индейца и негра.

Средство, без сомнения, возымело действие: индеец одним движением руки сбросил пылающие сучья в воду. В ущелье снова воцарилась тьма, под покровом которой индеец и негр исчезли в одно мгновение.

Капитан дон Рафаэль на собственном опыте убедился, что проворный человек должен

употребить с четверть часа, чтобы взобраться по заросшему кустарником скату ущелья; он заметил также, что оба цветных находились на противоположной стороне реки. Так как он предполагал, что они вернутся к вершине ущелья, то решил поскорее сходить за лошастью, переправиться вброд через реку и поискать обоих смельчаков на той стороне неподалеку от водопада.

Все произошло так, как он задумал, и меньше чем через десять минут он возвратился с лошастью, ведя ее за узду и отыскивая на берегу место, где бы лошадь легко могла сойти вниз и перейти через реку.

Когда он уходил от водопада, ему почудился какой-то грозный рев, заглушаемый шумом воды и доносившийся от реки. Эти хриплые звуки, которые он слышал в первый раз, возбудили в нем неприятное чувство. Подобно своей лошади, которая беспокойно фыркала, он инстинктивно почувствовал грозившую откуда-то опасность, хотя и не знал, в чем она заключается. На всякий случай, чтобы быть готовым к любой неожиданности, он отстегнул от седла ружье и пошел дальше.

Скоро нашел он отлогий спуск, сел на лошадь и заставил ее частично вплавь, частично по дну перейти реку, между тем как сам держал над головой ружье, чтобы не замочить его.

Поднявшись вверх по течению до водопада,

он закурил сигару, которая должна была привлечь внимание заклинателей, и стал терпеливо поджидать их.

Между тем цветные люди, потревоженные в их странном занятии, поднимались вверх по ущелью, причем индеец изливал в проклятиях свой гнев на докучного зрителя, присутствие которого, без сомнения, помешало появлению духа. Брут тоже ругался, но это было только лицемерие с его стороны, так как в глубине души он был гораздо менее рассержен, чем его спутник.

— Пусть гром небесный разразит неверующего, который помешал моему заклинанию! — воскликнул взбешенный индеец. — Еще несколько минут — и водяной дух предстал бы перед нашими глазами.

— Ты напрасно поторопился потушить пламя, друг Косталь.

— Я хотел скрыть от глаз неверующего белого тайну, которая готова была обнаружиться.

— Так ты все-таки думаешь, что кто-нибудь видел нас?

— Конечно!

— Что в нас в самом деле бросали камнями?

— Разумеется!

— Ну а я совершенно другого мнения!

— Какого же? — небрежно спросил индеец, прислонясь к стволу ясеня, чтобы перевести дух.

— Я думаю, — отвечал Брут, тоже останавливаясь, — что при небольшом терпении с твоей стороны наше дело удалось бы вполне. Я готов поклясться, — прибавил он с глубоким убеждением, — что в ту минуту как водопад был освещен до самой вершины, я заметил среди двух кедров золотую корону. Теперь спрошу тебя, кто же может носить золотую корону в этих лесах, кроме водяного духа?

— Ты ошибаешься, тебе просто почудилось...

— Я не ошибаюсь и убежден также, что прилетевшие камни были вовсе не камни, а кусочки золота, которые нам бросила сирена с вьющимися волосами.

— И ты позволил мне уйти от этого места! — с жаром воскликнул индеец, потрясенный словами негра.

— Мы сожгли наш последний кусок трута, так что не смогли бы снова развести огонь. При этом я опять слышал рев этих негодных тигров и вспомнил, что завтра утром у нас будет достаточно времени, чтобы подобрать золото.

Индеец ничего не ответил и снова пустился в путь, негр последовал за ним, как тень. Вдруг Косталь остановился и воскликнул, ударив себя по лбу:

— Завтра утром мы не успеем подобрать золото, да и теперь, — прибавил он беспокойным

тоном, — мы хорошо сделаем, если как можно скорее выйдем из ущелья.

— Почему же? — поспешно спросил негр, смертельно испуганный беспокойством, которое слышалось в голосе Косталя.

— Сегодня новолуние, а я и забыл, что в это время года, именно в новолуние, реки разливаются и затопляют наши поля. Ты знаешь, что наводнение накатывается внезапно. Может быть, ты уже слышишь вдали его глухой шум?

— Благодаря Богу, нет! Пока я слышу только шум водопада; но поспешим, если нам угрожает опасность.

— Как только мы выберемся из этого ущелья, нам уже нечего особенно опасаться, — сказал Косталь. — Любая верхушка дерева послужит надежным убежищем, если наводнение захватит нас врасплох; здесь же мы наверняка погибнем.

Молча и с удвоенной вследствие страха быстротой поднимались они по крутому склону и скоро достигли края ущелья. Очутившись в относительной безопасности, Брут вздохнул было с облегчением; но спустя минуту, дрожа, схватил Косталя за руку и указал ему на темную движущуюся вдоль берега реки фигуру, на голове которой при ярком лунном свете негр заметил уже поразившую его однажды золотую корону.

— Корона духа! — шепнул он на ухо индейцу.

Косталь посмотрел по указанному Брутом направлению и тотчас увидел, в чем дело, так как вследствие движения лошади драгуна лунный свет упал на всадника и осветил верхнюю часть его тела. Широкий золотой галун, обтягивавший, по мексиканскому обычаю, края его шляпы, послужил причиной ошибки негра сначала у водопада, а потом и здесь.

— Не прав ли я был, — воскликнул Косталь, — когда говорил, что неверующий белый помешал духу явиться!

Эти громко произнесенные слова, должно быть, долетели до драгуна, так как он крикнул: «Кто там?» — впрочем, вовсе не в угрожающем тоне.

При этом оклике и негр и индеец вышли из чащи, и офицер тотчас признал в них тех, кого поджидал.

— Рад, что наконец могу потолковать с вами, — сказал он с чисто военной непринужденностью, подъехав к пришельцам.

— Ну а мы не особенно радуемся, встречая вас здесь, — сердито возразил Косталь и выразительным жестом перебросил ружье с одного плеча на другое.

— Мне искренне жаль, если я помешал вам в вашем занятии, — отвечал драгун с чистосердечной улыбкой и, несмотря на почти враждебную позу

незнакомцев, застегнул ремни своего ружья. — Может быть, — прибавил он, — вы сердитесь на меня за то, что я бросил в вас камнями, но вы, конечно, извините заблудившегося путника, голос которого терялся в шуме водопада и который не знал, каким еще способом можно привлечь ваше внимание.

— Куда вы едете? — спросил Косталь несколько более дружественным тоном.

— В гасиенду Лас-Пальмас. Далеко она отсюда?

— Это зависит от того, какой дорогой вы поедете, сеньор.

— Предпочитаю кратчайшую, я очень спешу.

— Самую надежную дорогу, то есть такую, по которой вы можете ехать, не рискуя заблудиться, вы найдете, если подыметесь вверх по реке, — сказал Косталь, не решаясь, несмотря на свой гнев, обмануть путешественника, ехавшего в гасиенду, где он служил. — Эта дорога пересекает один из изгибов реки. Но если вы предпочитаете кратчайший путь...

— Что это? — спросил капитан.

— Это голос тигра, который ищет добычу, — отвечал индеец.

— А! Я уже слышал этот рев, — спокойно и без малейшего волнения сказал драгун.

— Кратчайшая дорога вот в эту сторону, —

продолжал индеец, указывая ружьем туда, откуда слышался рык ягуара.

— Ладно, благодарю! Я так и поеду, пожалуй.

Офицер взял узду в левую руку и хотел было ехать по указанному направлению, но индеец остановил его.

— Послушайте, господин офицер, — сказал он уже вполне дружелюбным тоном, — одной храбрости не всегда бывает достаточно, чтобы преодолеть опасность; неплохо также знать, какие именно опасности вас ожидают.

— Говори, друг мой, я слушаю, — сказал капитан, поворачиваясь к индейцу.

— Во-первых, чтобы не сбиться с пути, вам следует всегда иметь луну по левую руку, так, чтобы ваша тень падала направо от вас, немного наискосок, именно так, как она теперь падает. Затем ни в коем случае не останавливайтесь, пока не достигнете гасиенды Лас-Пальмас. Попадется ли вам овраг, ручей, холм — не объезжайте их, а скачите напрямик.

Голос индейца звучал так торжественно и серьезно, что драгун был удивлен.

— Какая же это ужасная опасность угрожает мне? — спросил он шутливо.

— Опасность, перед которой все тигры, ищущие добычи в саваннах, пустыки: наводнение, может быть, через час захлестнет эти равнины

бушующими волнами, превратит их в бурное море, в котором потонут все тигры вместе с другими животными, если им не удастся спастись на деревьях. Погонщик со своими мулами, пастух со своим стадом тоже погибнут, если не успеют укрыться в гасиенде.

— Я приму к сведению твое предупреждение, — сказал офицер, тотчас вспомнив о студенте, которого оставил в двух милях отсюда. В нескольких словах он сообщил индейцу об этом обстоятельстве.

— Если он еще жив, мы привезем его завтра утром в гасиенду. Теперь же думайте только о себе и о тех, кто будет оплакивать вашу смерть, и не заботьтесь о тиграх: если ваша лошадь испугается при виде тигра, крикните только громким голосом; человеческий голос внушает почтение и страх самым свирепым зверям. Теперь вперед!

Офицер повиновался, приподняв шляпу в знак прощания, и скоро исчез из глаз оставшихся.

— Он храбр и прямодушен, — сказал Косталь, — нехорошо было бы допустить его смерти без предостережения. Хотя и неприятно, что ему пришлось помешать нам; но в его положении я сделал бы то же самое. Притом не все еще пропало.

— Как так? Что ты еще замышляешь? — поспешно спросил Брут.

— Дух является не только в пене водопада, —

пояснил индеец, — иногда он показывается тем, кто вызывает его звуками морской раковины, в желтых водах наводнения, и мы попробуем вызвать его завтра в переполненном русле реки.

— А что станется с молодым чужестранцем, о котором нам говорил офицер?

— Мы попытаемся спасти его, как я обещал, — отвечал индеец. — Пока перетащим поскорее пирогу на вершину Сьерро-де-ла Меза, там мы можем спокойно провести ночь, не страшась ни тигров, ни наводнения.

Пока индеец и негр приводили в исполнение намеченный план, дон Рафаэль скакал к гасиенде Лас-Пальмас. Первые полчаса прошли совершенно спокойно. Саванна так мирно покоилась при лунном свете, пальмы так тихо покачивались под усеянным звездами небом, что он начал думать, уж не подшутил ли индеец над его легковерием. Занятый этими недостойными мыслями, он почти бессознательно умерил аллюр своего коня и, вдыхая полной грудью благоухающий ночной воздух, погрузился в мечтательное настроение, которое так легко вызывает неизъяснимая прелесть южной ночи. Вдруг мелькнувшая в его голове догадка в одно мгновение развеяла его беспечное настроение и заставила снова пришпорить лошадь. Он вспомнил об оставленных хижинах и маленьких челноках, привязанных на вершине деревьев, как

последнее спасение для тех, кого наводнение застигнет врасплох. Прошло еще полчаса, и вдруг, словно по волшебству, саранча и кузнечики перестали чирикать в траве, и благоухающее дыхание ночного ветерка заменилось другим ветром, напоенным болотными испарениями, острым и жгучим, как дыхание ада.

Недолго длилось это тревожное молчание, скоро путешественнику показалось, что он опять слышит шум водопада. Только теперь этот шум слышался в противоположном направлении, не сзади, а впереди путника.

Всадник подумал было, что он сбился с дороги и нечаянно вернулся назад; но луна, находившаяся по левую руку он него, тень, падавшая направо, убедили, что он ехал верно. Его сердце забилося сильнее, потому что если индеец говорил правду, его ожидала такая опасность, против которой были бесполезны и ружье, и шпага из толедской стали, и неустрашимое мужество драгуна. Мускулы его лошади остались его единственной надеждой, единственным средством спасения.

К счастью, продолжительное путешествие еще не истощило сил коня, который теперь тоже наострил уши и широко открытыми ноздрями втягивал струю влажного воздуха, служившего как бы предвозвестником наводнения.

Началась борьба между человеком и необузданной силой природы.

Офицер отпустил поводья и воткнул шпоры в бока своего скакуна, который помчался вихрем. Так как наводнение шло с востока к западу, и всадник ехал от запада на восток, то расстояние между ними должно было быстро уменьшаться. Вначале глухой и неопределенный шум все более приближался и походил на раскаты грома, который, начавшись вдали на горизонте, вскоре разражается над нашими головами. Саванна, казалось, убегала под ногами коня, быстро мелькали разбросанные там и сям пальмовые рощи, а верхушка колокольни гасиенды все еще не показывалась. Грозная масса воды тоже еще не являлась.

Благородный скакун не замедлял своего бега, но бока его начали вздуваться, и силы заметно истощались. Еще несколько минут бешеной скачки — и он неминуемо падет.

Офицер заметил состояние своего коня и с отчаянием потянул узду. Топот коня замолк, и ему послышался отдаленный звон колокола. Эти звуки, без сомнения, доносились с гасиенды, служа сигналом опасности.

Офицер вспомнил слова индейца: «Подумайте о тех, кто будет оплакивать вашу смерть». Есть ли в гасиенде, где его ждут, кто-нибудь, кто станет его оплакивать? Да, без сомнения есть, потому что при

одном воспоминании об этом офицер возмутился против угрожающей ему гибели и решился сделать последнее усилие, чтобы избежать ее.

Для этого ему следовало дать лошади хотя бы краткую передышку. Он соскочил на землю и немного отпустил подпругу. В это время ему послышался топот другой лошади, скакавшей, очевидно, по той же дороге и с той же целью, что и он. Он обернулся и увидел всадника на сильной бурой лошади, которая, казалось, пожирала пространство.

В ту же минуту всадник поравнялся с ним, приостановил лошадь резким свистом и крикнул:

— Что вы там мешкаете, сеньор? Разве вы не слышите набатного звона? Разве вы не знаете, что воды вышедших из берегов рек устремились в равнину?

— Знаю, — отвечал офицер, — но моя лошадь падает от усталости, и мне придется подождать несколько минут.

Незнакомец взглянул на лошадь драгуна и соскочил на землю. Затем он поспешно подошел к лошади и ощупал ей бока, чтобы узнать состояние легких.

Дон Рафаэль с любопытством осмотрел человека, который, не заботясь о собственной безопасности, так великодушно хотел помочь путешественнику. Незнакомец был одет в платье

погонщика мулов: грубую войлочную шляпу, китель из серой шерсти, подпоясанный кожаным поясом, холщовые штаны и козловые ботинки. Он был невысокого роста, черты его сильно загоревшего лица были приятны и нежны, и, несмотря на напряженность момента, удивительное спокойствие отражалось на нем.

Не успел дон Рафаэль взглядеться в незнакомца, как тот завершил осмотр.

— Животное еще не потеряло сил, — сказал он довольным тоном, — но на шее совсем не слышно биения пульса, хотя ноздри и бока раздуваются одновременно. Нужно только расширить путь для дыхания. Помогите мне, да поспешим, потому что зловещий шум приближается, и колокол звонит с удвоенною силой. Завяжите вашему коню глаза платком, — продолжал погонщик мулов и в то время как офицер поспешно повиновался, вытащил из кармана шнурок и обвязал им морду коня над ноздрями.

— Теперь держите этот шнурок изо всех сил.

В следующее затем мгновение в руке незнакомца блеснул нож, которым он проколол внутреннюю стенку ноздрей лошади.

Брызнула кровь; жеребец поднялся на дыбы, несмотря на все усилия своего хозяина, подняв с собой оставшийся в ноздрях ножик; потом снова

стал на передние ноги. Как только его передние ноги коснулись земли, погонщик мулов схватил острое ножа и дернул его так сильно, что и рукоятка прошла насквозь.

— Если спасение вообще возможно, то теперь вы спасены, — сказал незнакомец, — ваш благородный конь будет бежать до тех пор, пока не откажутся служить его мускулы и сухожилия.

— Назовите мне ваше имя, благородный человек, — воскликнул дон Рафаэль, протягивая руку погонщику мулов, — прошу вас, скажите ваше имя, которого я никогда не забуду.

— Меня зовут Валерио Труяно, сеньор, я бедный погонщик, которому чертовски трудно живется на свете, но который утешается тем, что исполняет свои обязанности по отношению к Богу и людям честно. Моей последней обязанностью было не дать вам погибнуть здесь без помощи и совета. Теперь пусть совершается воля Всемогущего, — прибавил он, — наша жизнь в его руках, только он один может спасти от угрожающей нам ужасной опасности.

Произнеся эти напутственные слова торжественным голосом, мужество и твердость которого нашли отклик в сердце офицера, благочестивый Труяно вскочил на лошадь, дон Рафаэль последовал его примеру, и оба помчались по саванне, наклонившись к развевающимся гривам

своих скакунов. Влажный ветер развевал их волосы, а зловещий шум наводнения приближался каждую минуту, сопровождаемый тревожным набатом.

IV. ГАСИЕНДА ЛАС-ПАЛЬМАС

Много больших рек, протекающих близко друг от друга, орошают провинцию Веракрус. Кроме того, высоты Сьерра-Мадре⁷ дают начало множеству потоков, которые впадают в эти реки или текут рядом с ними.

Когда начинается дождливое время, которое продолжается в этих широтах с июня до октября, реки быстро прибывают вследствие сильных дождей, выступают из берегов и разливаются во все стороны. С быстротой хорошего скакуна затопляют они равнину, распространяя всюду опустошение и ужас. Скоро затопленная часть страны превращается в необозримое море, покрытое обломками и трупами всевозможных животных.

Для гасиенды Лас-Пальмас было выбрано безопасное от ежегодных наводнений место. От востока к западу и на юг простирается бесконечная равнина; с севера она окаймлена грядой довольно

⁷ *Сьерра-Мадре* (исп. *Sierre Madre*) — Гора-Мать.

высоких холмов. На половине высоты одного из холмов находится широкая ровная терраса — на ней-то и возвышались длинные, далеко раскинутые постройки гасиенды, задняя сторона которой примыкала к верхней части холма, и только четырехугольная колокольня возвышалась над его вершиной. Высокая и крепкая каменная стена соединяла задние постройки с жилищами слуг и хлевами, и только через толстую массивную дверь в середине этой стены можно было попасть во внутренний двор.

Свое прекрасное название гасиенда получила от довольно больших пальмовых рощ, покрывавших равнину у подошвы холма.

Чтобы быть справедливыми ко всем лицам нашего рассказа, нам необходимо еще раз вернуться к тому моменту, когда драгун расстался со студентом, а негр Брут по милости Косталя против своей воли превратился в тигреро.

Итак, оставалось около часа до солнечного заката. Колокол на колокольне гасиенды прозвонил к вечерней молитве, и при этих звуках, возвещавших об окончании дневной работы, индейцы пеоны, или полевые работники, и вакеро, или пастухи, возвращались с равнины в гасиенду, владельца которой, как мы уже сказали, звали дон Сильва.

В роскошно убранной комнате господского

дома находились в это время три женщины. Две из них были дочери владельца гасиенды, третья — их горничная. Старшая из сестер, уже окончившая свой туалет, сидела у окна и время от времени посматривала на равнину, — ее звали Марианита, год тому назад она вышла замуж за молодого испанца, владельца большой близлежащей гасиенды. В настоящую минуту молодая женщина, которой едва минуло двадцать лет, гостила в родительском или, вернее, в отцовском доме, так как матери обеих сестер уже давно не было в живых. Младшая сестра — Гертруда, еще не кончила свой туалет; она сидела на китайской циновке, между тем как горничная убирала ее волосы, пышные пряди которых плохо повиновались усилиям служанки. Обе сестры обладали всеми прелестями испанских креолок — красивой наружностью, тонкими чертами лица и бархатными черными глазами. Обе походили одна на другую, но отличались выражением лиц: личико Марианиты бойкое, слегка насмешливое, выдавало ее веселый характер, тогда как выразительные глаза и задумчивое лицо доньи Гертруды обнаруживали характер серьезный и более рассудительный.

Причина, по которой обе дамы так старательно занимались своим туалетом в довольно поздний час, крылась в том, что сегодня вечером ожидалось двое гостей. Один из них был супруг

Марианиты, другой — драгунский капитан дон Рафаэль. Первому предстояло проехать не более двух миль, и потому его ждали с минуты на минуту; второму было необходимо сделать более двухсот миль, и хотя он обещал приехать именно в этот день, но при таком продолжительном путешествии легко мог и опоздать на день. Тем не менее донья Гертруда была уверена в том, что храбрый капитан приедет именно сегодня. Мы скоро узнаем почему, а пока достаточно сказать, что донья Гертруда и дон Рафаэль считали себя женихом и невестой, прежде чем их родители окончательно решили это дело. Разразившееся восстание отсрочило осуществление общих семейных планов на неопределенное время и в то же время послужило испытанием политических мнений обитателей обеих гасиенд. Марианита и ее супруг стояли за королевскую власть, а дон Сильва и его младшая дочь склонялись на сторону восставших. Отец дона Рафаэля, купивший соседнюю гасиенду Дель-Валле, тоже держался революционного образа мыслей, равно как и его сын, которого он вызвал домой только для того, чтобы посоветоваться, как ему наилучшим образом оставить королевскую службу и примкнуть к освободителям родины.

После этого отступления вернемся опять в будуар сестер на гасиенде Лас-Пальмас.

Приведя в порядок волосы Гертруды,

горничная вышла по знаку своей госпожи, а нетерпеливая Марианита снова поспешила к окну.

— Напрасно я смотрю во все стороны, равнина пуста! — воскликнула она через некоторое время. — Я не вижу ни дона Фернандо, ни дона Рафаэля, и боюсь, милая Гертруда, что мы напрасно так заботились о своем туалете. Через полчаса солнце зайдет.

— Дон Фернандо придет, — сказала Гертруда кротким голосом.

— Ты хочешь меня утешить, — возразила молодая женщина, — но моя нетерпеливая натура уже возмущается медлительностью гостя... А! — воскликнула она внезапно. — Я вижу на горизонте облако пыли... Наконец-то показался всадник!..

— Всадник? — воскликнула Гертруда оживленно. — Какого цвета его лошадь?

— Его лошадь оказывается, к сожалению, мулом, как я теперь вижу. Это не тот, кого мы ожидаем.

Гертруда слегка вздохнула.

— По-моему, это священник, — продолжала Марианита. — Он скачет в галоп и имеет важный и печальный вид. Он заметил меня и делает знак рукой.

— А других всадников ты все еще не видишь? — спросила Гертруда.

— Нет, никого, кроме погонщика мулов,

который гонит все свое стадо в галоп и так же, как священник, направляется сюда. Не понимаю, почему эти люди и животные так торопятся.

Скрип растворившихся ворот и суматоха, поднявшаяся на дворе, указывали, что не только священник, но и погонщик со своим стадом воспользовались гостеприимством дона Сильвы.

Обе сестры не имели никакого представления об опасности, угрожавшей путешественникам на равнине.

В это время в гасиенде началось еще более сильное движение.

— Что это такое? — воскликнула испуганная Марианита. — Не вздумали ли поднявшие бунт на западе разбойники напасть на гасиенду?

— Почему ты называешь разбойниками людей, которые сражаются за свободу своей родины и во главе которых стоит священник? — возразила Гертруда тоном легкого упрека.

— Почему? Да потому, что они враги испанцев, потому что в моих жилах течет испанская кровь, потому что мой муж — испанец! — с жаром воскликнула Марианита.

Внезапно раздавшийся звон колокола заставил обеих сестер вздрогнуть и прекратить спор, грозивший принять более жаркий характер.

Марианита хотела пойти узнать о причине тревоги, как вдруг горничная растворила дверь и,

не дожидаясь вопросов, воскликнула:

— Пресвятая дева! Наводнение близко; сейчас явился вакеро и сообщил, что вода не далее трех или четырех миль отсюда.

— Наводнение! — воскликнули обе сестры и перекрестились.

— О Боже, мой муж! — воскликнула тотчас же вслед за тем Марианита, с ужасом думая об опасности, которой подвергался ее супруг.

— Дон Рафаэль! О несчастный! Пресвятая дева, смилуйся над ним! — прошептала Гертруда.

— Равнина скоро превратится в необозримое море, — продолжала служанка, — горе тем, которых захватит наводнение. Но вы не беспокойтесь, донья Марианита; вакеро ⁸, принеший эту горестную весть, послан доном Фернандо, чтобы известить вас, что он приедет завтра утром в лодке.

С этими словами горничная вышла из комнаты.

— В лодке! — воскликнула Марианита, страх которой сменился радостью. — В самом деле, дорогая Гертруда, мы будем завтра кататься по равнине в украшенной флагами и цветами лодке.

Но этот порыв легкомысленного эгоизма

⁸ *Вакеро* — испанское название западно-американских пастухов.

тотчас же уступил место другому чувству, и Марианита опустилась на колени подле своей сестры, которая у подножия статуи Мадонны молилась за спасение всех оставшихся без помощи на равнине.

— Сядь у окна, милая сестра, пока я еще помолюсь! — воскликнула Гертруда, прерывая молитву. — Посмотри на равнину, потому что мои глаза застилают слезы.

Марианита села у окна, а Гертруда снова преклонила колени перед святым изображением.

Между тем позолоченный заходящим солнцем туман становился все бледнее и бледнее; луна уже озарила пальмовые рощи зыбким матовым светом, а один всадник так и не показывался на пустынном горизонте.

— Лошадь дон Рафаэля должна быть гнедой масти, — сказала Гертруда, снова прерывая свою жаркую молитву. — Капитан знает, как я люблю эту лошадь, его боевого коня, служившего ему в битвах с индейцами.

— Успокойся, дорогая девочка, — попыталась ее утешить Марианита, — дон Рафаэль будет вовремя предупрежден и остановится на эту ночь где-нибудь поблизости.

— Ты ошибаешься, — отвечала Гертруда, печально качая головой. — Я лучше знаю этого храбреца, он не обратит внимания на опасность.

Внезапно послышался глухой отдаленный гул бушующей воды, сливавшийся с отчаянным звоном колокола. В то же время над равниной показался сначала бледный, потом красноватый и, наконец, ярко-красный свет, озаривший верхушки пальм. По приказанию доня Сильвы на соседних холмах и террасах были зажжены огромные костры, которые должны были служить ориентирами для заблудившихся путников.

Прошло несколько долгих, томительных минут. Луна медленно поднималась по небесному своду, а отдаленный гул становился все сильнее и сильнее и скоро сделался похожим на раскаты грома. Еще несколько минут, и громадные массы воды должны были запениться у подошвы террасы, на которой находилась гасиенда.

Вдруг из уст Марианиты, все еще старавшейся проникнуть взором в темную даль равнины, вырвался крик ужаса.

— Горе! Горе! — воскликнула она. — Я вижу двух всадников! Дай Бог, чтобы это были только тени! Но нет... тени становятся яснее... Матерь Божия! Это в самом деле два всадника... они несутся, как ветер... но как бы быстро они ни мчались, они опоздают!

Громкий крик ужаса раздался на террасе, где находились господин и слуги. Отчаянная борьба двух человек с ужасающею массою воды, волны

которой уже виднелись вдаль, представляла в самом деле потрясающее зрелище.

Марианита, сжигаемая тем любопытством, которое часто заставляет нас против воли смотреть на ужасное зрелище, не могла оторвать глаз от равнины.

— У обоих всадников лошади черные, как ночь, — дрожащим голосом сказала она сестре, которая в тоске склонилась головой с ногам статуи, — один небольшого роста, одет в платье погонщика мулов; это не может быть дон Рафаэль.

— Другой! Узнаешь ли ты другого? — спросила Гертруда едва слышным голосом.

Марианита молчала в течение нескольких мгновений.

— Другой, — отвечала она наконец, — головой выше первого; теперь он наклонился к шее своего коня; я не вижу его лица... О небо! — воскликнула она вдруг и продолжала все тише и тише: — Это... я узнаю его... это дон Рафаэль!

Другой, еще более сильный крик был ответом на слова Марианиты; донья Гертруда бросилась к окну, но, не добежав, упала почти без чувств.

— Я не вижу их больше, — прошептала Марианита, — волны закрыли коней и всадников. — Потом она вскрикнула: — Ах! вот они показались опять! О небо! Только один, высокий, сидит на лошади. Он наклоняется, хватает

другого за платье... положил его на свою лошадь... Но — увы! — древесный ствол крутясь несется на них; он погубит коня и всадника.

На дворе раздались радостные крики, Гертруда подняла голову и вопросительно взглянула на плачущую сестру. Снова послышался радостный возглас, горничная вбежала в комнату, восклицая: «Слава Богу! Они спасены!» Тогда чувство невыразимой радости возвратило Гертруде полное сознание.

Не произнося ни слова, обе сестры долго стояли обнявшись.

...Но что же случилось с Корнелио, который, ничего не подозревая, спал в своем гамаке? Мы знаем, что Косталь обещал отправиться за оставленным студентом и, если только найдет его в живых, привести его в Лас-Пальмас; но отправиться на поиски можно было только на следующее утро, так как наводнение скоро должно было достигнуть того места, где капитан расстался со студентом.

Хотя, таким образом, индеец имел мало шансов спасти юношу, но все-таки он не забыл своего обещания и решился с восходом солнца отправиться на поиски. Ночь он провел вместе с негром на вершине холма Сиерро-де-ла Меза, куда они без особого труда перетащили легкую пирогу.

Несколько кусков высушенного на солнце мяса послужили им ужином, после которого эти

дети природы растянулись на земле и в приятном сознании своей безопасности уснули, убаюканные шумом приближающегося наводнения.

Они спали так крепко, что шум воды, затопившей равнину, не разбудил их. Сон Брута был беспокоен, его мучили какие-то кошмарные сновидения, и время от времени он метался, думая, что слышит рев тигров, которые так напугали его сегодня.

Проснувшись, он действительно увидел у подошвы холма свирепую семью тигров. Почувяв людей, укрывшихся на безопасной вершине, ягуары испустили хриплый рев, но, напуганные преследовавшею их водою, от которой их могло спасти только быстрое бегство, огромными прыжками поспешили дальше и скоро исчезли из виду.

Пока негр и индеец спят, посмотрим, что происходит с доном Корнелио.

Бедняга разом очнулся от своего сладкого сна, внезапно почувствовав сильный холод, и увидел, что висит над бушующими волнами, почти достигающими до гамака. Он вскрикнул от ужаса, и в ответ на его крик послышалось глухое ворчание и пронзительное шипение, выходившие, по-видимому, из вершин обоих тамариндов.

Корнелио с ужасом осмотрелся вокруг, — повсюду виднелись только пенящиеся волны

неизмеримого моря. Теперь ему стало понятно все — и бегство жителей, и эти челноки, привешенные на верхушках деревьев. Что с ним теперь будет? Он едва умел плавать, но если бы даже он и мог поспорить в этом искусстве с ловцами жемчужных раковин, — все равно это искусство не могло бы ему помочь в этой ситуации.

Огненные глаза, блеснувшие в вершине дерева подобно раскаленным угольям, объяснили ему причину глухого ворчания, которое он только что слышал; несколько диких животных, без сомнения ягуаров, укрылись от наводнения в развесистой кроне тамаринда.

Не станем описывать мучительные часы этой жуткой для бедного студента ночи; скажем только, что он с невыразимой тоской ожидал наступления дня, но, к несчастью, наступившее наконец утро наполнило его новым ужасом: при его свете он действительно увидел на верхушке одного из тамариндов целую семью тигров: самца, самку и двух тигрят, тогда как по ветвям другого ползали отвратительные змеи. Внизу бушевала водная стихия, и в ее мутных волнах носились вырванные с корнем деревья, плавали испуганные лани, над которыми с пронзительными криками летали хищные птицы.

Куда ни взгляни — везде зрелище опустошения и смерти. Порою свирепый инстинкт

голодных зверей при виде добычи, находившейся почти в их лапах, боролся в них со страхом; но страх одерживал верх, и Корнелио видел, как их глаза снова закрывались, как будто они хотели отогнать от себя соблазнительную мысль растерзать его.

Несколько часов протекли таким образом, наконец студенту послышались какие-то странные, незнакомые звуки. Они были то громки и ясны, как звуки военной трубы, то глухи, как рычание находившихся по соседству ягуаров.

Затем увидел он вдали маленький челнок, в котором сидели двое людей. То были индеец и негр. Время от времени один из них, индеец, очевидно, привыкший к такому опасному плаванию, бросал весло и подносил к губам морскую раковину, дикие звуки которой должны были вызвать богиню вод. Погруженные в это странное занятие, ни Косталь, ни Брут не заметили студента, который не смел и шевельнуться в своем гамаке. Наконец его крик достиг их слуха.

— Ты слышал, Косталь? — спросил негр.

— Да, как будто кто-то крикнул, наверное, тот бедолага, которого мы ищем. Но где же он? — прибавил индеец. — Я вижу только гамак, подвешенный между двух тамариндов... Э, клянусь душою моего отца, он там!

Индеец разразился громким хохотом,

который, впрочем, показался студенту небесной музыкой. Без сомнения, его увидели, за что он горячо возблагодарил небо.

Брут разделял веселость своего товарища, как вдруг музыка совершенно другого рода разом положила конец его веселью.

— Неужто эти проклятые звери повсюду? — испуганно воскликнул он, услышав концерт четырех ягуаров, находившихся над головою студента, крик которого обозлил голодных хищников.

Косталь тотчас же понял всю опасность положения студента и направил челнок к тамариндам; несколько ударов веслами приблизили его к деревьям, в вершине которых его зоркие глаза, несмотря на густую листву, тотчас же заметили четвероногих неприятелей.

В то же время и негр увидел ягуаров и змею и, думая только о своей безопасности, воскликнул жалобным тоном:

— Косталь! Если это вчерашние тигры, как я заключаю по мяуканью тигрят, то подумай, как они должны сердиться на нас!

— А ты полагаешь, что я не сержусь на них? — возразил Косталь, который, крикнув студенту, чтобы он не шевелился, хладнокровно положил весла на дно пироги и взялся за ружье.

— Что ты хочешь делать? — воскликнул негр.

— Хочу прикончить одного из хищников! Ты сейчас увидишь, как это делается!

И, схватившись снова за весла, он направил лодку прямо под одного из взрослых ягуаров.

Инстинктивно почуяв опасность, животное испустило рев, на который со всех сторон отозвалось гулкое эхо и от которого негр задрожал всем телом. Царапая острыми когтями кору тамаринда, оскалив зубы, ягуар устремил на охотника свои огненные глаза. Но последний, по-видимому, вовсе не поддался влиянию этого взгляда, а хладнокровно прицелился и выстрелил. Свирепый хищник тяжело рухнул в воду, течение которой тотчас увлекло его. Это был самец.

— Скорее, Брут! — воскликнул Косталь. — Отъезжай прочь.

В то же время он вытащил острый кинжал и стал в оборонительное положение.

Но как ни торопился растерявшийся от страха Брут, он опоздал: рассвирепевшая самка испустила короткий, угрожающий рык и, не обращая внимания на студента, как молния, бросилась в челнок.

Челнок перевернулся вверх дном. Охотник, тигр и негр исчезли под водой. Спустя секунду, все трое снова появились на поверхности; Брут вне себя от страха работал руками и ногами со всей энергией отчаяния. На его счастье, индеец плавал, как

дельфин, и с кинжалом в зубах в одно мгновение очутился между ягуаром и негром.

Оба врага измеряли друг друга взорами; человек спокойно и решительно, зверь — рыча от бешенства.

Внезапно охотник нырнул, и удивленный исчезновением своего противника зверь поплыл к дереву, на котором остались его детеныши. Но вдруг он начал биться, как будто его увлекал какой-то водоворот, затем до половины исчез в воде и снова появился на поверхности мертвый, с распоротым брюхом, между тем как вода кругом окрасилась его кровью. Охотник тоже вынырнул, оглянулся и поплыл к челноку, уже довольно далеко унесенному течением, догнал его и через несколько минут уже подплывал в лодке к плескавшемуся в воде негру, помог ему войти в челнок и поплыл к студенту. Тот еще не успел опомниться от изумления, возбужденного в нем смелостью и хладнокровием незнакомца, когда индеец тем же кинжалом, которым убил тигра, разрезал дно гамака и, таким образом, дал студенту возможность без труда сойти в лодку.

Увидав себя в безопасности, студент горячо пожал руки индейца и поблагодарил его за спасение. Косталь не отклонил этой благодарности, но отнесся к ней равнодушно, как будто считал это дело не стоящим внимания, и с беспокойством

озирался по сторонам.

— Чего ты ищешь? — спросил Брут. — Не хочешь ли ты связаться с этими змеями, или тебя соблазняют шкуры тигрят, так как шкуры старых тигров мы потеряли безвозвратно.

— Пусть их живут; бедные твари не причинят большого вреда, да им и трудно будет выбраться отсюда, — спокойно возразил Косталь. — Я ищу то место, где мое ружье упало в воду, и мне кажется, я его нашел. Хотя мое ружье дает одну осечку на каждые пять выстрелов, но я убил из него много тигров и не хочу оставлять его на дне.

С этими словами тигреро разделся и направил пирогу к тому месту, где, по его мнению, она перевернулась; затем он бросился в воду и снова нырнул.

В течение некоторого времени, показавшегося зрителям бесконечным, индеец не показывался на поверхности. Только волнение воды на том месте, где он нырнул, доказывало, что он деятельнейшим образом отыскивает свое несравненное ружье. Наконец его голова показалась над водою, и он поплыл к пироге, держа в одной руке ружье, отыскать которое ему стоило таких усилий.

Между тем время текло своим чередом, и солнце начинало уже довольно сильно припекать, когда негр, студент и индеец направились, наконец, в своем маленьком челноке по дороге или, вернее

сказать, по направлению к гасиенде Лас-Пальмас.

Дорогой Корнелио спросил своих спасителей, как они его нашли.

— Нас послал к вам всадник, очень спешивший в жилище дона Сильвы, — сказал Косталь. — Не знаем, отделался ли он так же счастливо от наводнения. Жаль было, если бы он погиб, потому что он храбрый молодой человек, а храбрецы встречаются редко.

Пловцы без устали боролись против течения и толчков от носившихся в воде деревьев. Был уже полдень, когда показалась колокольня гасиенды. Дон Корнелио сильно обрадовался при виде ее, так как почти умирал от голода.

Внезапно ясный звук обеденного колокола достиг его слуха, и почти в то же время он увидел две лодки. В одной из них находились двое гребцов, какой-то всадник в дорожном костюме и оседланный мул. В другой сидели дон Рафаэль, дон Сильва и обе его дочери, головы которых были украшены венками из красных гвоздик и цветов граната.

Обе лодки направлялись к горам, окаймлявшим с севера затопленное пространство, и скоро та, в которой находился всадник со своим мулом, пристала к берегу. Мул выскочил на берег за своим хозяином, всадник поклонился провожавшим его, вскочил в седло и уехал,

напутствуемый криками:

— Прощайте, сеньор Морелос! Прощайте!

Отъезжающий был тот самый священник, который вчера спасся от наводнения в гасиенде. Мы скоро увидим, какую славу приобрел скромный священник Морелос⁹ в войне за освобождение.

Лодка, в которой находился владелец гасиенды, отправилась назад, и так как пирога Косталя следовала по тому же направлению, то Корнелио скоро мог полюбоваться вблизи на красиво отделанную пурпурной шелковой тканью лодку.

— Дон Сильва, я везу к вашей милости гостя, — сказал Косталь, указывая на студента.

— Добро пожаловать! — радушно отвечал дон Сильва.

Скоро все оказались у ворот гасиенды.

V. КЛЯТВА

Дон Луис Тревильяс, отец капитана, хотя сам испанец, один из первых понял необходимость закрепить за мексиканскими креолами льготы,

⁹ *Морелос-и-Павон* *Хосе Мария* (1765–1815) — руководитель освободительной борьбы мексиканского народа против испанских колонизаторов в 1811–1815 гг., национальный герой Мексики, генералиссимус.

которые им даровал вице-король в интересах самой Испании. Когда же тот был захвачен и отправлен в Испанию, дон Луис, приведенный в сильное негодование, вышел в отставку (он служил полковником в гвардии вице-короля) и уехал в гасиенду Дель-Валле, находившуюся на той же самой цепи холмов, которая ограничивала с севера владения дона Сильвы. Оба владельца учились в Мехико, а позднейшее соседство еще более закрепило их дружбу.

Как только разразилось восстание, дон Луис послал за своим сыном, чтобы уговорить его присоединиться к борцам за свободу родины.

Капитан сразу догадался о намерении своего отца, и так как полностью разделял его воззрения, то немедленно взял отпуск. Однако он думал, что не нарушит сыновнего долга, если по дороге прогостит день или два в гасиенде Лас-Пальмас, и поручил возвращавшемуся домой посланцу отца сообщить дону Сильве о предполагаемом посещении.

Капитан познакомился с семейством дона Сильвы в прошлом году в Мехико и уже тогда почти обручился с Гертрудой. Понятно, с каким нетерпением стремился он в Лас-Пальмас, и неудивительно, что он предпочел подвергнуться опасности, нежели опоздать.

Когда он приехал в провинцию Оахака,

восстание уже докатилось и туда. Здесь во главе его стал один поселянин, по имени Антонио Вальдес, и собрал вокруг себя всех, кого можно было на вербовать на равнине.

Уже немало испанцев, попавшихся в его руки, погибли; свирепый Вальдес умерщвлял их без сожаления.

После этих объяснений нам не нужно больше возвращаться к прошлому наших героев и мы можем рассказывать события по порядку.

В гасиенде Лас-Пальмас только что кончили обедать. Гости и хозяева собрались на нижнем этаже в гостиной, из которой две большие двери выходили в сад с роскошными цветами.

Дон Сильва, сидевший возле средней двери, покачивался в своем мягком кресле, то отхлебывая глоток крепкого черного кофе из чашки, стоявшей подле него на столике, то затягиваясь дымом тонкой сигары. Перед ним стоял со шляпой в руке погонщик мулов Валерио. Он пришел поблагодарить хозяев за гостеприимство и проститься с ними. Непринужденность в манерах и разговоре, свойственная вообще всем низшим сословиям испанской Америки, соединилась в нем с некоторой суровостью, выражение которой смягчалось только его добрыми глазами. Он пользовался во всей округе репутацией безусловно честного и в высшей степени благочестивого

человека; но, независимо от этих качеств, великодушие и хладнокровие, проявленные им при встрече с доном Рафаэлем, заслужили ему уважение и благодарность обитателей гасиенды.

Хотя капитан в свою очередь не остался в долгу, вытащив его из воды, тем не менее все считали себя обязанными Валерио.

Этому человеку, который впоследствии заслужил бессмертную славу при осаде Гуахуапана, было около сорока лет, хотя он казался гораздо моложе.

— Дон Сильва, — сказал Валерио, — позвольте мне поблагодарить вас и проститься с вами.

— Вы хотите оставить нас так скоро? — удивился владелец гасиенды.

— Человек, живущий своим трудом, не имеет права оставаться праздным, в особенности когда он обременен долгами.

— Вы нуждаетесь в деньгах? — быстро сказал капитан, подходя к погонщику мулов. — Скажите, и как бы ни была велика сумма...

— Плохой способ платить долги одному, занимая у другого, — с улыбкой прервал его Валерио. — Мне пришлось бы взять у вас взаймы, потому что я не могу принять подарок. Это не гордость, а сознание обязанности; поэтому не сердитесь. Нет, нет, — продолжал он, — сумма

невелика... несколько сот пиастров, и так как Бог помог моему пастуху и мулам укрыться от наводнения, то я хочу теперь отправиться по горам в Оахаку, продать там мулов и этими деньгами уплатить долг.

— Как, — воскликнул дон Сильва, — вы хотите продать стадо, которым зарабатываете свой хлеб!

— Да! Расплатившись, я стану свободным человеком и могу идти туда, куда меня зовет мой долг, — отвечал погонщик. — Моя кровь принадлежит отечеству, — прибавил он горячо, — за свободу которого я готов умереть. Я говорю здесь откровенно, потому что хозяин не выдаст тайны, которую доверяет ему гость.

— Конечно, нет, — отвечал дон Сильва. — Но мы все, — он огляделся и увидел, что старшая дочь Марианита ушла в сад в сопровождении дона Корнелио, — желаем свободы отечеству, и наше сочувствие на стороне тех, кто стремится освободить его.

— Мы сделаем больше, присоединимся к ним с оружием в руках, — добавил капитан. — Это святая обязанность всякого, кто может владеть шпагой или сесть на коня!

Валерио поклонился дону Рафаэлю, как бы желая выразить, что не сомневается в его патриотическом образе мыслей, затем снова

обратился к хозяину:

— Бог и свобода! Если бы я мог раньше присоединиться к восстанию, я сделал бы это для того, чтоб помешать жестокостям, которые уже начали грязнить святое дело. Вы знаете об этом, дон Сильва?

— Да, — кивнул гасиендеро, и мрачное облако затуманило его лоб.

— Кровь мирных испанцев уже пролита, — продолжал погонщик мулов, — а единственной опорой святого дела является в нашей провинции этот негодяй Антонио Вальдес...

— Антонио Вальдес! — воскликнул капитан. — Как, вакеро моего отца?

— Он самый, — отвечал дон Сильва. — Дай Бог, чтобы он вспомнил, как гуманно обращался с ним его господин.

— Неужели вы думаете, что мой отец, симпатии которого к восставшим всем известны, может подвергнуться какой-нибудь опасности? — с беспокойством воскликнул офицер.

— Я не думаю, поскольку его убеждения достаточно известны.

— Скажите, Валерио, сколько всадников у этого Вальдеса? — спросил дон Рафаэль.

— Около пятидесяти; но его отряд недавно должен был получить значительное подкрепление.

— Дон Сильва, — сказал офицер

взволнованным голосом, — это известие заставляет меня ускорить мой отъезд из вашего гостеприимного жилища. Когда отцу угрожает опасность, — обратился он к Гертруде, — сын должен быть при нем! Не правда ли, донья Гертруда?

— Конечно! — отвечала молодая девушка тихим, но твердым голосом.

Наступила долгая пауза; какое-то тяжелое предчувствие овладело всеми в гостиной. Убийственное дыхание междоусобной войны уже носилось в воздухе.

Валерио первым прервал затянувшееся молчание. Его глаза горели вдохновенным огнем, как у древних пророков, устами которых говорил Бог.

— Сегодня утром, — сказал он, — смиренный служитель Божий, скромный священник, оставил вас, чтобы предложить бойцам за свободу поддержку своими молитвами; теперь такой же смиренный человек расстается с вами, чтобы отдать братьям свою жизнь. Молитесь за обоих, прекрасная сеньорита, — продолжал он взволнованным голосом, обращаясь к Гертруде, — и, может быть, Всевышнему снова угодно будет показать, как поднявшаяся из праха и пыли рука наводит ужас на сильных мира сего.

С этими словами он почтительно пожал

протянутые ему руки и, сопровождаемый Сильвой и Рафаэлем, вышел из комнаты.

Долго еще смотрели оба с террасы на погонщика мулов, который во главе своего стада шел по дороге в Оахаку, как вдруг неожиданный треск ружейного выстрела за гасиендой заставил их вздрогнуть. Они поспешили на двор, где уже собрались люди, указывая на вершину ближайшего холма.

Печальное зрелище предстало перед глазами дон Сильвы и Рафаэля.

На верхнем конце дороги, ведущей из гасиенды Лас-Пальмас в Дель-Валле, лежали лошадь и всадник, убитые или смертельно раненные; человек еще пытался приподняться, лошадь лежала неподвижно.

— Скорее! — крикнул дон Сильва. — Возьмите носилки и перенесите сюда этого несчастного!

Затем он поспешил к капитану, который с быстротою оленя взбежал на вершину холма и уже держал в своих руках голову несчастного, когда хозяин гасиенды, задыхаясь, подбежал к нему.

— Я надеялся, что мое зрение обманывает меня, — сказал офицер с невыразимым беспокойством на бледном лице, — но я узнал его, еще находясь внизу, и теперь вижу, что это старый Родригес, преданнейший слуга моего отца.